

Воркшоп

«Свой или чужой? В поисках чувствительных методик измерения идентичностей (запуск коллаборационного проекта)»

Модератор Михайлова Елена: Скажу сразу, речь идет об инициативном проекте, коллаборационном. На данном этапе финансовой поддержки данного проекта нет, но только за последние три дня мне написали и выразили готовность участвовать в этом проекте представители 6 субъектов, то есть интерес высокий со стороны очень профессиональных социологов из разных регионов России.

Мы не ожидаем, что участники будут вкладывать огромный объем временных или каких-то технических усилий в его развитие, но надеемся, что по мере возможности, будут включаться на разных этапах реализации этого проекта и участвовать в обсуждении. Что будет точно, что будет однозначно – будет техническая поддержка этого проекта, будет создан соответствующий электронный ресурс для обмена мнениями, для обсуждения некоторых результатов и возможных подходов к анализу изучаемых объектов.

Речь идет о том, что в современном мире миграционные процессы существенно влияют на социальные системы: большие объемы притока мигрантов оказывают влияние на принимающие сообщества. Вопрос адаптации, интеграции мигрантов – это вопрос, который стоит остро. Вы знаете, что очень много было дебатов, дискуссий, касающихся принятия Закона "О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации".

Такое пристальное внимание к теме обусловлено тем, что в условиях стремительной социальной динамики мы уже не можем оперировать теми нормативными подходами и методическими подходами к изучению, которые были актуальны еще 5-10 лет назад. Какие подходы к управлению этими процессами оптимальны, как зафиксировать процесс адаптации, как измерять уровень интегрированности мигрантов в принимающие среды?

Есть общепринятые методики, которые апробированы во многих странах мира, стандартизированные подходы, которые используются на государственном уровне, используются во Франции, в Италии, в Америке и так далее, стандартизированные подходы. Но и зарубежные исследователи признают, что общепринятые подходы к изучению миграционных процессов требуют

пересмотра, потому что появились новые факторы, появились новые какие-то переменные, которые не учитываются этими методиками. Процессы, связанные с появлением новых средств коммуникаций, способствуют сохранению мигрантами в течение более длительного срока своей базовой идентичности (за счет поддержания связей с социальными средами в странах выезда).

Все это требует адаптации классических, привычных методик, требует разработки более чувствительных инструментов. Особенно это актуально для современной России, где проблемы взаимодействия принимающего общества с мигрантами выходят на первый план, являются наиболее конфликтогенным фактором.

Перед тем, как перейти к обсуждению, хочу дать слово одному из ведущих специалистов в сфере изучения идентичностей. Мчедлова Мария Мирановна, доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой «Сравнительная политология» факультета гуманитарных и социальных наук Российского Университета Дружбы Народов. Мария Мирановна очень много изучала процесс трансформации религиозной идентичности, как воспроизводится религиозная идентичность, в каких случаях какие-то элементы, присущие этой идентичности, вытесняются другими. Кроме того, она очень много работает, в том числе, с иностранными студентами, наблюдает, как происходит их адаптация, интеграция. Подходы к изучению этих вопросов она сейчас нам осветит в общих чертах.

Мчедлова Мария: Спасибо большое за такое представление. Уважаемые коллеги, мне кажется, что сегодняшняя тема и вообще этот проект, который предлагается к развитию, к обсуждению, как никогда актуален. И связано это не только с миграционной проблематикой, а вообще с пересмотром устоявшихся подходов к объяснению и социально-политических конструкций, и социальных конструкций, и тех феноменов, которые мы привыкли рассматривать, если политологи - то в рамках традиционной институциональной парадигмы, если социологи - в рамках той же парадигмы или в рамках теории рационального выбора.

Мне кажется, что современное гуманитарное знание начинает немного дрейфовать в сторону включения неинституциональных факторов в объяснительные схемы. Вопрос, в какие объяснительные схемы, какие они должны быть. Вот по отношению к миграции. Мы год делали один проект в рамках Топ 5-100. И честно говоря, когда у нас международный комитет спросил: «А к каким выводам вы пришли, какие основные результаты вашего исследования?»,

основным результатом исследования было – несводимость объяснения миграционных процессов к единой концептуальной схеме. Настолько разноплановые проявления вот этого современного вызова миграции, который становится и катализатором изменений, и одновременно следствием изменений, более каких-то глубинных, зримых, что каждый раз приходится объяснение искать ad hoc. И поэтому мы все больше концентрируемся на различных кейсах, которые даже смысл имеют различный. И, наверное, этим объясняется, что, например, до сих пор не существует какой-то консенсусной или единой политической или социологической теории относительно того, как объяснять и понимать миграцию.

Мне даже кажется, что в российском академическом пространстве или общественно-политическом миграция превалируют отрицательные коннотации, над позитивными. Мы все-таки больше начинаем искать какие-то негативные аспекты, угрозы, может быть, проблемы, которые следует разрешать, тогда как положительные аспекты уходят куда-то на второй план. Как нам казалось в ходе исполнения проекта, ценностно-политические аспекты, столкновение ценностных систем, вопросы интеграции мигрантов, обеспечение диалога между различными анклавами больших культур и ценностных систем, может быть, должны выходить на первый план. В том числе и в Европейском Союзе, поскольку Европейский Союз сегодня, наверное, на передовом флаге в выработке каких-то управленческих, политических, социальных решений по инкорпорированию больших масс мигрантов в свое социально-политическое и ценностное пространство (либо, наоборот, в выработке определенной стратегии, которая будет блокировать приток или так отрегулирует ситуацию, что позволит ограничить приток больших масс мигрантов в Европейский Союз).

Так вот, оказалось, что нет. Мы провели очень интересное исследование, наш аспирант, итальянец, сам из Палермо. На основе дискурса анализа итальянских политиков, исследуя его математическими методами, очень четко доказал, что в дискурсе превалирует исключительно экономическая и политическая целесообразность, тогда как ценностные контексты остаются вне рамок дискурса политиков, вне рамок дискурса управленцев или еще кого-то. Таким образом, мне кажется, что здесь встает очень большой вопрос между тем, что ученые видят в качестве ключевой проблемы, что видят политики в качестве ключевой проблемы - и что видят граждане в качестве ключевой проблемы. Как все эти три уровня соотнести между собой, и что для каждого становится главным в выработке его поведенческих стратегий или в выработке каких-то технологий,

адаптивных технологий, которые будут способствовать консолидации социального пространства или обеспечения социальной стабильности (чем, наоборот, его расшатывать).

Кроме того, есть еще один, как мне кажется, позитивный ракурс, который у нас забывается. У нас немножко говорят об экономической миграции, о трудовой миграции, о привлечении мигрантов – высококлассных специалистов или врачей и учителей с высшим образованием. Но есть еще один миграционный тренд, который как-то выпадает, наверное, из поля зрения вот таких универсалистских установок, – это образовательная миграция. Образовательная миграция чаще всего рассматривается, как мне кажется, в контексте мягкой силы, как распространение через образование влияния того или иного государства или той или иной культурно-символической среды, тогда как образовательная миграция может быть рассмотрена и в качестве, если не диффузии идентичности, то, по крайней мере, некоторой трансформации идентичности под влиянием именно образовательной среды.

Честно говоря, если брать практический срез, то, наблюдая большое количество иностранных студентов, получающих образование в России, мы видим трансформацию их идентичностей буквально через год после того, как они попадают в наше образовательное пространство. То же самое, кстати, можно наблюдать и с нашими студентами. Год отучившись за рубежом в другом вузе, они тоже начинают смотреть немного по-иному на внешний мир. И тут можно сразу две полярные ситуации выявить. Эта трансформация бывает двух вариантов: а – либо они полностью пропитываются и очаровываются, и впитывают в себя ценности, установки, мировидение западной культуры или китайской, или еще какой-то, куда они уезжают, либо, наоборот, происходит акцентуация российской идентичности, своей идентичности.

Я не думаю, что это какое-то открытие, но это просто очень ярко видимо и осязаемо. Соответственно, это подтверждают наши спекулятивные построения и, наверное, подтверждают такие вот частные случаи той гипотезы, которую высказал Инглхарт, когда поменял логику модернизационного процесса и сказал, что внедрение западных институтов, экономических и политических институтов не всегда приводит к трансформации ценностных систем, а, наоборот, в ряде случаев может приводить и к акцентуации традиционалистских структур, как этнических, так и религиозных. Может быть, это слишком так, я слишком

замахнулась, но на очень маленьком прикладном моменте мы это видим. Могу сказать то же самое об иностранных студентах.

Приведу пример еще одного итальянца, моего аспиранта, который не учился в России, который сразу приехал, получил высшее образование в Италии, в университете Сиены, знает четыре языка, в том числе и русский. Приехал в Россию в аспирантуру, и одновременно работает в нашем университете уже лет пять, занимается международными образовательными программами, прежде всего программой Erasmus, программами сетевого университета ШОСа и сетевого университета СНГ. Пока он писал свою диссертацию, посвященную образовательным проектам, это было очень интересно и с практической, и с теоретической точки зрения, но как только я получила введение, сразу стало заметно, что человек получил образование в Италии. Образование в Европе – это самое лучшее, самое модернизированное, и проекты Erasmus и Болонский процесс нацелены на то, чтобы российское образование тоже было самым лучшим и было модернизировано. При этом вся основная часть направлена как раз на совсем другие посылы.

Когда я задумалась, как же так произошло, ответ очевиден: просто он социализировался в другой образовательной среде... Его учили так на протяжении всего этапа социализации. Ему очень сложно поменять вот эти ключевые свои посылы. Если бы образовательный обмен был, мобильность была бы на уровне бакалавриата или магистратуры, я уверена, что бы он написал совсем другие основные положения и выводы. Наверное, кроме таких глобальных трендов, про которые мы все с вами можем говорить, об адаптации мигрантов, вот в таких больших массах, в государственных масштабах, существуют еще не очень разработанные, но очень действенные и востребованные области и механизмы применения, которые нам позволяют, в том числе, размышлять о новых алгоритмах становления человека в современном мире. И из этого, в том числе, извлекать практическую пользу как государственного масштаба, так и на уровне гражданского общества или каких-то ценностно-символических конструкций.

Второе - про трансформацию религиозной идентичности. Про это я могу, наверное, рассуждать очень долго, но трансформация религиозной идентичности, наверное, это сегодня, как мне кажется, самый деликатный момент, с одной стороны, а с другой стороны, очень актуальный и важный. Он звучит везде: начиная от дискурса верховной власти и иерархов различных религиозных структур - и заканчивая просто бытовыми разговорами на кухне. Даже в такси

таксист мне рассказывал про сращивание церкви и государства. Я с удовольствием послушала все его рассуждения, после чего он сказал, что все должны заниматься благотворительностью. То есть насколько это проникает даже, даже на неосознанном уровне, в повседневное сознание.

Есть религиозная идентичность - соотнесение себя с религией, с верой как таковой, конфессиональная идентичность – соотнесение с определенной религиозной традицией. При этом совершенно не зависит от уровня воцерковленности. Если это религиозная идентичность, и, наверное, это ключевой тренд, про это писали все, начиная от Эйзенштадта и заканчивая Роландом Робертсоном, который писал, что религия сегодня включается в глобальный порядок не как институт, а как жанр коллективной идентичности.

Сегодня наша идентичность – это, скорее, соотнесение себя с определенной культурной традицией, которая сформировалась под воздействием той или иной религиозной системы. И делая выводы относительно количества, например, православных или мусульман в той или иной стране, и когда дискуссии и дебаты происходят, надо очень четко отличать, про кого мы говорим: про людей, которые себя самоидентифицируют с той или другой религиозной традицией, культурной традицией, называя себя «я православный», которая принадлежит к российскому православному культурному ареалу, или он действительно воцерковленный человек и является практикующим православным, католиком или мусульманином. Вот таких практикующих реально людей, вне зависимости от того, православные или мусульмане, у нас по разным оценкам от 4 до 8%. И эти 8% от позиционирующих себя, принадлежащих к конфессии.

Я не могу сказать, что эта какая-то уникальная ситуация, потому что во Франции 65% позиционируют себя католиками, и из них только 5% еженедельно посещают мессу. Таким образом, мы можем сказать, что реально воцерковленных практикующих католиков во Франции тоже 5% (и тут, и там, по большому счету, это не очень большое число). Однако, если мы посмотрим, то религиозные смыслы – они распространяются на неверующую, верующую часть общества, и распространяясь, субъекты политического целеполагания – они апеллируют в том числе и к этим идентификационным категориям, тем самым распространяя их на большие массы людей. И в этом нет ничего преступного или ничего порочного, поскольку, действительно, сегодня религиозная идентичность, вероятно,

перестала быть характеристикой каждого конкретного человека, а, скорее, становится характеристиками больших общностей.

Что касается трансформации, мне кажется, что я бы выделила несколько контекстов. Первый контекст – трансформация идентичности, о том, о котором я говорила, это, скорее, собственно религиозный такой, культурно-цивилизационный процесс. Второе – это трансформация институционализированной идентичности, то есть когда я соотношу себя с определенной конфессией, к внеинституциональной, просто какой-то религиозности. Не случайно, мы даже выделяем группу, которая верит в Бога, но ни к какой из конфессий не принадлежит. При этом даже это понимание веры в некоторые сверхъестественные силы – оно достаточно размыто, обскурантистски, не очень понятное, там присутствует сразу все, однако такая группа статистически улавливается, их от 10 до 12%. И третий момент, наверное, из таких важных, я бы отнесла к каким-то трансформам религиозной идентичности, которые являются, конечно, уже порождением глобального мира, и они, наверное, включают в себя сочленение традиционных форм и форм New Age.

Вот пример транснационального буддизма, который сложно отнести к буддизму как таковому, но который очень прочно завоевал себе место в религиозном пространстве и даже определяет социальные практики многочисленных приверженцев.

И еще один аспект касается коллективной и социальной стороны. Это фундаменталистское обострение религиозных различий - о том, что идентичностное основание становится легитимацией политических стратегий и становится легитимацией взаимодействия между различными группами людей, не всегда позитивными, но зачастую бывают негативными. И уже не разбираясь в экономических и политических предпосылках, на первый взгляд, выходит именно религиозное – то, что Хабермас назвал фундаменталистским обострением различий. Сложно сказать, работают рациональные или иррациональные мотивы, скорее всего, и те и другие. И катализатором, конечно, выступают социальные проблемы, но достаточно сложно себе представить большую массу людей, которая вышла бы за равенство всех перед законом или за доступ к социальным благам, но достаточно наглядно можно себе представить большие массы людей, которые выходят за понятные, внятно артикулируемые идеалы, которые формулируются уже религиозными субъектами. И конечно, идентификационная... Здесь мы можем говорить о том, что идентичность проникает в политизированное

и в политическое пространство и становится, наверное, фактором и катализатором тех процессов, которые будут определять, как мне кажется, картину мира в будущем.

И последнее, что я хотела бы сказать. Идентичность, наверное, сегодня входит в пул понятий... Это достаточно новый вид, лучше меня знаете, для гуманитарного знания, первый раз его использовал Спиноза в качестве тождественности субстанции самой себе. Это было давно, и прошло не так много времени. Насколько изменился смысл понятия идентичности? Оно входит не только в пул уже цивилизационной теории, становясь даже определяющим для понимания цивилизации, таким образом полностью перечеркивая его нормативные коннотации, но и становится основанием политических практик. Неслучайно политика и идентичность становятся чуть ли не институционализированными управленческими практиками.

И вот мне кажется, что понятие идентичности – оно не только несет гносеологический потенциал, но и позволяет как-то предложить альтернативное описание новому мировому порядку и вообще онтологии политики, которые сегодня все больше и больше описываются с помощью таких понятий, как риск, страх, война. И, к сожалению, все остальные понятия начинают вписываться вот в это понятийно-концептуальное пространство, в том числе, к сожалению, идентичности. Мне кажется, что это неопределенные позитивные моменты, они способны как-то предложить и некоторые альтернативные концептуально-понятийные конструкции. Спасибо большое.

Модератор: У меня вот такой вопрос. Я всегда, когда присутствую на защите работ ваших студентов, это невероятно интересно - иностранные студенты, которые год учатся в России, пишут работы о российской проблематике. И их интерпретация через призму их социокультурного опыта, как они это видят, - это совершенно другой анализ, совершенно другой подход, совершенно другие ракурсы. У вас совершенно разные группы студентов из разных стран. Вы одинаково со всеми работаете - либо учитываете этноконфессиональный аспект? Это учитывается в образовательных программах? Вот есть какие-то методики, которые позволяют адаптировать программы и принципы психологической работы с этими образовательными мигрантами?

Мчедлова Мария: Специализированных методик, направленных, что только на китайцев, только на представителей из Африки или из Бордо, из Франции, - таких, конечно, нет. Нет групп, которые моноэтничны или монорелигиозны, они

все перемешаны. Соответственно, методика предполагает работу в перемешанной группе. Самое главное – это быть равноположенным к каждому, проще говоря, не делать никаких отличий. Естественно, возникают определенные психологические ситуации. Конечно, мы знаем отличие араба, например, арабское представление о жизни от африканского и от китайского представления о жизни.

Самое главное нивелировать эту разницу. Но, честно говоря, образовательный процесс – он сам по себе нивелирует эту разницу. В процессе одно, одним образовательным процессом нельзя обойтись, для этого существует очень большая внеучебная работа. И честно говоря, нам еще помогают методики, которые были разработаны еще при советской власти, а именно совместное вовлечение всех в единые какие-то активности: от спортивных мероприятий до песен, плясок, дней тех или иных стран и так далее.

Честно говоря, были какие-то инциденты, я честно признаюсь, лет 10 назад, но не между представителями различных стран, а между представителями различных этнических групп, которые раньше входили в состав Советского Союза. Но это было пресечено очень быстро, и сейчас мы даже забыли о том, что когда-то были эти конфликты. Что касается, то, что вот Елена говорила о разных взглядах. Вы знаете, совместные программы магистерские наш университет начал флагмански разрабатывать, прямо вот бросившись в омут, 15 лет назад. Нам повезло, что мы ее стали создавать с ведущим заведением по политическим наукам Франции, Sciences Po, который занимает четвертое место в мире по политическим наукам, международным отношениям, и там мы нашли очень открытых и таких, активных партнеров.

И создав эту программу, мы уже выпустили больше 200 человек, из которых большая часть – это французские граждане, где-то 60%. Мы столкнулись с тем, что эта программа неимоверным образом подняла популярность изучения русского языка и вообще России как таковой. И даже когда произошел спад интереса к России где-то лет 8 назад, когда Европа больше переориентировалась на китайских студентов, именно наша программа была единственная, которая функционировала с огромным конкурсом, там было до 5, 6, 7 человек французов на одно место на нашу программу. Интерес к русскому языку, и даже в соседнем университете Бордо, который лингвистический, Бордо III - там стали расширяться департаменты, которые русский язык изучают. Это был резерв, который потом приезжал в Россию. После приезда в Россию очень интересно у них

диверсифицируются интересы: это военная сфера, это сфера культуры, сфера дипломатической работы и частный сектор. А сфера культуры, наверное, является для нас такой определяющей. Поступают студенты, которые искренне восхищаются российской культурой, пытаются затем ее как бы пропагандировать во Франции. Но есть и политические примеры. Например, помните, с «Мистралями», когда нам ее не продали, - трое наших студентов, бывших студентов, в разных ведущих газетах Франции написали статьи, и в интернет изданиях, о том, «Мистрали» надо отдать России. После чего мы решили, что мы работаем, в общем-то, успешно, и очень гордились этим. «Мистрали», нам, конечно, не отдали, но мы до сих пор очень гордимся. Честно говоря, наши выпускники, которые работают на дипломатической службе, более склонны прислушиваться к мнению России, больше склонны продвигать интересы России, чем другие, это естественно. Помните, как Мережковский писал: «Выпив воду из Нила, вы навсегда остаетесь в Египте», – выпив воду из Москва-реки, тоже навсегда кусочек сердца остается в России. И еще есть один плюс в этом – это, конечно, смешанные браки. Очень много у нас смешанных семей русско-французских, особенно это видно по этой группе. И во Франции, и в России. А смешанный брак – это всегда резервуар доброго посла мира, если так можно сказать, это всегда резервуар...

Нет, это не для того, чтобы туда уехать, - многие остаются здесь, женятся на русских, француженки выходят замуж за русских и остаются здесь. Трое моих аспирантов вышли замуж за российских граждан разных национальностей, и остались в России, и сказали, что не вернутся в Россию. Есть пример молодого человека, которое открыл здесь бизнес, сказал: «Москва – мой город». Он производит часы с символикой «Космос», которые стали уже выходить на большой рынок, и, собственно говоря, налоги платит в России. И это тоже стимулирует к развитию малого бизнеса, он потихонечку становится средним и так далее. И это не только знание русского языка и хорошее образование, но еще и знание особенностей поведения, наших особенностей.

Мы сейчас рекрутировали преподавателя молодого PhD, который заканчивал нашу программу, заканчивал у нас аспирантуру. И вы знаете, насколько ему легче адаптироваться к нашей специфике, чем если просто пригласить французского профессора, который нигде не был. По крайней мере, он понимает наши особенности. Это тоже большой плюс, но я бы хотела, чтобы это был не единичный случай, чтобы это развивалась. И конечно, вот эти программы

стимуляции таких совместных образовательных проектов, ведь в ходе образовательных проектов снимаются стереотипы. После убийства Немцова нам родители звонили из Франции и говорили: «Как мы отправим своих детей? У вас на улице всех убивают». Разубеждали, мы специально поехали туда, рассказывали, что это на самом деле не так. И только приезжая сюда, увидев собственными глазами, появляется возможность преодоления стереотипов, которые существуют.

Модератор: Спасибо. Есть у кого-то вопросы?

Реплика из зала: Мария Мирановна, вот интересно слушать ваш доклад. У меня есть одна реплика, поскольку я вот, помимо прочего, еще работаю в Нижегородской академии МВД, и может быть, люди удивятся, что иностранных слушателей очень много, там есть из Африки, из Монголии, из всего СНГ. Вы начали с тонких материй, да, там все еще тоньше, намного. Вот например, как они трансформируют идентичность, все-таки процесс смены идентичности у слушателей из СНГ очевиден и очень быстр, трансформация. У монгольских слушателей тоже идет. Вот у африканцев я, откровенно говоря, не заметила трансформации идентичности. И несмотря на то, что они, извините, друг друга называют «нигеры», друг друга, но тем не менее они противопоставляют свою группу все-таки всем остальным, поскольку колониальная метафора все равно действует.

Мчедлова Мария: Я с вами абсолютно согласна, невозможно на 100% трансформировать, мы можем чуть-чуть ее изменить. И то вопрос, если у вас были там какие-то для этого культурные предпосылки и символические, как это в странах СНГ: общее прошлое, наследие, о чем говорили родители, единое культурное пространство. Но преодолеть определенные барьеры... Вот Хантингтон же говорил о том, что предельная идентичность – это цивилизационная, да, дальше европейской ты не шагнешь. Соответственно, то, что где-то в глубине, уже сложно преодолеть. Это прекрасный идеал, утопия должна быть, должно человечество к чему-то стремиться, то, что все будут одинаковыми, но вопрос, сколько времени пройдет и наступит ли то время.

Реплика из зала: Еще одно, по поводу религиозной идентичности. Вот у меня аналогичное наблюдение по поводу трансформации и вообще религиозной идентичности - у тех, кто прибыл из государств, в которых преимущественно исповедуют ислам, несмотря ни на что, трансформация религиозной идентичности не происходит.

Мчедлова Мария: Вот тут могу не согласиться. Помните, все считали, что лебеди белые – это истинное суждение, пока в Австралии не нашли черного. Я тоже так думала. Девушка из Ирана, которая ходила в платочке, приходила ко мне и говорила: «Я не могу, поменяйте мне научного руководителя, он мужчина, я могу только с женщиной». К третьему году ходит в мини-юбке, без платка и с удовольствием общается не только с научным руководителем.

Реплика и зала: Но все равно она будет говорить, что она мусульманка.

Мчедлова Мария: Ради бога, можно говорить. Вопрос еще в том, кем ты являешься, внешние признаки. Идентичность же есть внутренняя, есть внешняя, есть еще какая-то. Важно, как мы как воспринимаем другого – по образу жизни, по поведению, не по тому, что он говорит... Что такое образ жизни? Да, это фактическое вот это выражение идентичности: какую юбку носит, как мусор выносит.

Реплика из зала: Это, конечно, дискуссия долгая. Спасибо большое.

Реплика из зала: Вот чуть-чуть от социологии далекий вопрос, он к Вам как к доктору политических наук. Можно ли назвать во время образовательной миграции, вот допустим, смотрите, страна А привлекает студентов из страны Б, и в это время они социализируются там, да, то есть их ценности меняются в большинстве случаев. И можно ли назвать это современной цифровой колонизацией или посягательством на национальную самоидентификацию этой страны или нации?

Мчедлова Марина: Как-то вы категорично. Почему цифровой обязательно? Петр Первый тоже посылал учиться в Европу, там никакой цифровой не было. Вы знаете, можно с двух сторон рассматривать. Конечно, образовательные проекты – это стратегия мягкой силы. Конечно, привлекая к себе на учебу, любой субъект, любое государство, в том числе, распространяет свое ценностно-символическое влияние, тем самым формируя представление и у студента, и потом, когда он возвращается, определенные такие, паттерны, я бы сказала. Но с другой стороны, вопрос в интенсивности того, что делается.

Но, с другой стороны, человек, когда приезжает учиться в другую страну, он узнает больше, он становится более открытым, он имеет возможность увидеть. Чем больше он увидит и чем больше он научится, тем больше он имеет способность к анализу, тем больше он принимает другое. Он не сам становится другим, он принимает другое и хотя бы, по крайней мере, пытается его понять, а не сразу сказать: «Нет, мне не надо».

Реплика из зала: А после того как он вернется к себе в страну, анализируя вот то, что происходит в его стране и в стране, где он учился, он может стать диссидентом, да, в своей стране?

Мчедлова Мария: Может стать, а может и не стать.

Реплика из зала: Он может противиться той политической системе, которая у него в стране, да?

Мчедлова Мария: Почему у вас такие категоричные суждения? Диссидентом можно стать, и не уезжая.

Реплика из зала: У меня все.

Модератор: Мы все-таки обещали говорить чуть больше про методики и о принципах дальнейшей работы. Игорь Вениаминович Задорин недавно презентовал результаты очень интересного исследования – про доверие. А целью этого исследования было как раз определение потенциала консолидации и солидаризации отдельных групп.

И вот мне интересно, те подходы, которые Вы использовали, они применимы вообще к анализу групп мигрантов (тех, кто переселился, тех, кто принял гражданство) с точки зрения их готовности поддержать российское общество в каких-то критических ситуациях?

Задорин Игорь: Спасибо за вопрос и за внимание. Проект экспериментальный, там очень много чего непонятного и нам самим до сих пор. Открылась бездна, звезд полна, как говорится. В частности – то, что в массовом сознании мы опросом наберем, конечно, - некоторые декларации, естественно, не такие глубокие ценности, а декларации о ценностях.

Так вот, на уровне деклараций мы обнаружили мешанину, честно сказать, и фрагментацию. То есть выделить чистые типы ценностные, на уровне которых мы можем сказать: вот здесь есть ценностная солидаризация, ценностная консолидация, то есть люди, схожие по некоторому набору ценностей, и они еще, исходя из этого набора, относятся к определенным, например, спорным практикам. Мы тестировали отношение к гомосексуальным бракам, эвтаназии, абортам, смертной казни. То есть такие некоторые дискуссионные аспекты, то чтобы вот эта ценностная солидаризация еще и каким-то образом однозначно определяла их отношение к этой форме практик. Вот чистые типы на уровне 3-4% и так далее. И их много.

То есть не получается того, чтобы мы могли назвать такой общенациональные, хотя бы более-менее серьезные ценностные солидаризации

вокруг некоторого круга ценностей, так называемых консенсусных вопросов. Вопросов, по которым в обществе есть консенсус ценностный, очень мало. Это единица, на уровне ценности это фактически единственная ценность: своего собственного здоровья и здоровья близких. Все остальное размазывается по пространству, все остальное очень разнообразно. И в этой связи как бы общий такой ответ, что, конечно... можно использовать эту методику, безусловно, но просто из-за того, что как бы вот эта комплексная методика выявила вот эту серьезную фрагментированность вообще в обществе, то я даже со страхом думаю о том, что она выяснит на так называемых переходных группах, то есть в группах, находящихся еще в статусе перехода идентичности, транзита идентичности какого-то и так далее, если даже на укорененных россиянах зафиксировано...

Я сейчас вот так даже произнесу такое слово, вот когда говорят про экономику российскую, что она многоукладна, то есть у нас есть отрасли, которые доиндустриальной эпохи, есть индустриальные, есть постиндустриальные и так далее. Но почему-то не говорят про общество, которое, вообще-то говоря, вот у нас ровно также находится.

Есть, условно говоря, доматериалистические ценности, материалистические и уже постматериалистические по Инглхарту тоже есть. То есть, получается, что люди живут в разных как бы ценностных тоже стратах, и во многом это связано тоже еще и с некоторой динамикой их собственных убеждений. И в этой связи, опять же возвращаясь, если мы берем, условно говоря, мигрантов, то есть людей, которые просто даже как бы объективно по социальному статусу находятся в этом транзите, то что мы там обнаружим и какую вот эту мешанину, это вот... А методику можно применять, да.

Мчедлова Мария: Я полностью согласна с Игорем Вениаминовичем. Более того, это же порождает еще более, мне кажется, масштабную проблему. Социальная целостность, социальная дифференциация, она же порождает еще вот эту социальную диверсификацию... И большой управленческий вопрос. а как этим всем управлять? Как выстраивать политические управленческие стратегии, чтобы привести к тем целям, которые ставятся? Нам еще цели надо определить. Но есть же еще, еще дальше я бы пошла, и это связано и с социологией религии Дюркгейма, - доверие, доверяете ли вы кому-то. Ведь большинство говорит, что «нет, не доверяю», что надо быть осторожным на уровне межличностного доверия.

Отсутствие межличностного доверия – это отсутствие солидарности, отсутствие солидарности – ценностная аномия, ценностная аномия – девиации поведения, которые мы с вами наблюдаем: пырнуть ножом маму. Вот эти ужасные девиации, нормы перестают обязательными для исполнения. Соответственно, это ставит очень большие управленческие вопросы, очень большие.

Модератор: Итак, откуда возникла идея, чем обусловлена актуальность нашего проекта. Это не только научный интерес, не только методический. Например, есть запрос со стороны вузов. У меня были потоки разные студентов, образованы по признаку страны исхода, то есть это потоки турецких студентов, которые приезжают в Россию учиться на 5 лет, потоки вьетнамцев, корейцев, бангладешцев и так далее. И, конечно, я, как социолог, не могла упустить такую возможность - в течение всех лет работы с ними я измеряла, как они воспринимают русскую культуру, на чем основывается и насколько велика социальная дистанция. По сравнению с тем, когда они ехали сюда, - какие стереотипы не оправдались, какие оказались ложными, какие были страхи, где они видели риски, где они видят какие-то негативные составляющие образа жизни в России или какие-то вещи, которые они не приемлют.

Опрос на первом курсе, на третьем, на пятом году обучения. И результаты достаточно любопытные. Прогнозируемо, что степень интеграции иностранных студентов из разных государств – она, конечно, совершенно разная по итогам пребывания в России. Если говорить про конфессиональный, религиозный аспект - степень интеграции студентов из Турции в результате 5 лет обучения в России – она наиболее высокая по сравнению со всеми остальными группами. Когда они приезжают, говорят: «Конечно, для меня ислам, религия – это очень важно», на пятом курсе, когда их спрашиваешь: «А когда, собственно говоря, ты об этом вспоминал, когда ты ходил вообще в мечеть?», мы уже не слышим конкретного ответа. Происходит вытеснение неких элементов в ценностной системе, и какие-то значимые, важные, базовые элементы – они уходят на второй, третий, пятый план.

В продолжение высказанного тезиса о мягкой силе. В в 80-е годы, уже более 25 лет назад, в Советском Союзе училось очень много студентов из Кубы, которые стали инженерами, техническими специалистами. Спустя столько лет на Кубе именно выступают основным оплотом воспроизводства тех ценностей, которые они впитывали во время обучения в России. Они везде транслируют и поддерживают эти ценности, несмотря на те политические изменения, которые мы

сейчас видим. Изменение Конституции, открытие страны для привлечения инвестиций, безусловно, повлечет за собой кардинальные политические изменения в этой стране. Но однозначно эти люди будут и далее транслировать те мессенджи, которые впитали во время получения образования в нашей стране, поддерживая в общественном сознании ее позитивный образ.

Работа по адаптации и интеграции мигрантов – она является очень важной. Как определить, какие меры являются наиболее востребованными целевыми аудиториями, то есть мигрантов? Как определить эффективность этих мер, потому что меры по адаптации и интеграции мигрантов – они не могут быть едиными для всех этнических групп. Как определять эту комбинацию, и как понять, что уже достаточно, уже хватит к ним приставать, уже они наши, они себя чувствуют комфортно... Есть ситуации, когда проводимые мероприятия, напротив, подчеркивают «инаковость» мигрантов и уже начинают мешать их успешной интеграции.

И конечно, запрос со стороны региональных органов власти. Ключевая проблема – проблема взаимодействия приезжих и местного населения. Есть проблема – и желание иметь четкие методики для понимания, связаны ли риски с присутствием тех или иных этнических групп мигрантов на территории, что ожидать, что с этим всем делать. Есть запрос на получение конкретных индикаторов, каких-то показателей. Не всегда региональные власти успевают принимать необходимые управленческие решения, превентивные меры по нивелированию рисков возникновения конфликтов в силу разных причин: иногда недостаток компетенций, иногда нехватка ресурсов, дефицит времени. Тем не менее, от нас ожидают каких-то понятных управленческих инструментов: что делать с этими группами, действительно ли это группы риска, как это измерить, как проследить этот процесс интеграции.

В каком случае этот процесс интеграции не нужен или нужен – это уже не к нам вопрос, это вопрос опять-таки к миграционному законодательству, определение всех целевых аудиторий, которые надо адаптировать, не надо адаптировать, в какой степени интегрировать. Это не задача разработки этой методики, речь идет именно о выборе неких чувствительных показателей, индикаторов и подходов, которые нам это покажут.

Есть некие стандартные международные методики, которые использовались ранее, которые надо тестировать сейчас и вычленять там те сегменты, которые уже не работают, те вопросы и модули, которые уже нам ничего не показывают в

условиях современной социокультурной динамики. Есть, конечно, какие-то новые методы и подходы, новые методы сбора информации - анализ социальных сетей и так далее. Здесь вопрос: можем ли мы интегрировать в этот системный подход эти методы, учитывая, что это не будет один исполнитель, это не будет один заказчик, это будут измерять разные люди, разные коллективы. Методика должна быть универсальна, запрос именно на универсальный подход, универсальные методики, универсальные индикаторы, понятные для исполнителей разного уровня. Возможно ли решение этой задачи и насколько...

Занимаясь миграционной проблематикой уже несколько десятков лет, прекрасно осознаю, что задача непростая. Впервые мы эти процессы измеряли в 90-е годы, но тогда было гораздо проще, трансформация из «чужих» в «свои» происходила быстрее и проще, чем в современном мире, в современном коммуникационном пространстве.

Давайте дадим слово нашим миграциологам, которые глубоко изучают эти процессы. Как вы видите решение этой задачи?

Мищук Светлана: Я больше хотела бы сделать акцент на практическом моменте, то есть как раз таки определить проблемные точки, о которых отчасти уже говорили. И приведу пример нашего региона, Еврейской автономной области опять же. Сегодня уже говорили о фрагментарности пространства, и эта фрагментарность – она не заканчивается на уровне регионов, она идет дальше до уровня поселений. И как раз рассказали о том, что есть запрос со стороны власти, то есть возникает вопрос от власти это контролировать, регулировать или понять, каков должен быть характер взаимодействия.

Так вот, я могу привести пример, что у нас есть разные поселения, то есть специфика области - это китайцы в сельском хозяйстве. И, в основном, сразу, если сделать такой срез, то негативное отношение, плохое состояние земли, в общем, все плохо. В настоящее время я провожу исследование, встречаюсь непосредственно с руководителями районов для начала, потом поселений. И в области есть положительная практика, притом что здесь крупное сельскохозяйственное производство это китайское активно взаимодействует с администрацией поселения, участвует в различных производственных даже моментах - отсыпают землю, копают колодцы и так далее и тому подобное. Это как спонсорский вариант поддержки, то есть это некоторое сотрудничество. Я говорю: «Подождите, а за счет чего? Что вы им даете?». То есть понятно, что не просто так. То есть там есть некая поддержка, помощь юридического характера.

Безусловно, она нужна. Но каких бы они не нанимали юристов, своих специалистов, органы власти здесь помогают. И на уровне этого поселения встречается вот именно очень такая тесная интеграция.

Естественно, там не участвуют, не выходят на встречи, праздники все китайцы, то есть это ограниченное, локальное сообщество в любом случае. Но руководители организации – они очень тесно сотрудничают с органами власти и нанимают русских, местное население. И вот даже фраза была руководителя, у них был Новый год китайский, они уехали, он говорит: «Возьмите их с собой, чтобы они тут не пили». Я говорю: «А как исправляются классические варианты: русские пьют, работать не могут»? Китайцы нанимают местных, все хорошо, и они в данном случае взаимодействуют. Я даже не знаю, чья тут идентичность меняется – это, скорее, влияние мигрантов на русских. И я говорю: «А как это происходит?» Штрафные санкции: выпил – заплатил. Работает. Но это пример одного поселения, а в других поселениях негативные отношения, то есть там буквально чуть ли не до конфликта между китайцами и местным населением в силу того, что китайцы законы соблюдают, это их территория, а местные не знают куда деваться. Есть такие моменты.

Изучение вот этих практик – оно имеет, еще раз повторюсь, различие не только по регионам, это вот именно даже на уровне просто поселений. И как использовать одни и те же показатели... Может быть, обязательно надо учесть именно вот властные эти моменты управленческие, потому что они на самом деле играют роль. Как будут вести себя органы власти, управление на местах - это сильно влияет на то, какое будет взаимодействие, интеграция мигрантов. И здесь один буквально тоже такой пример, это уже категории стран СНГ, пример Владивостока. Когда открывались центры русского языка и так далее, бесплатно, по 20 человек, и во Владивостоке не могли набрать 20 человек, чтобы они бесплатно пришли и выучили русский язык. Они говорят: «А зачем?» То есть это было обязательно для получения сертификата и так далее. Это тоже важный аспект, к вопросу об интеграции. То есть он есть, он очевиден и здесь, конечно, нужно работать с вот этими локальными сообществами. Но возвращаюсь к моей волшебной области и китайцам: это отдельная категория мигрантов. И методика, и индикаторы должны быть абсолютно другие, чем, например, применительно к мигрантам из СНГ. У них и целевая задача другая. И можно ли обобщить в целом? Это такой момент, который должен быть учтен.

Модератор: Подчеркну: если люди приезжают зарабатывать деньги, они являются трудовыми мигрантами, временно находящимися на территории и вообще не проявляющими интереса к тому, чтобы интегрироваться в это общество. Конечно, в случае отсутствия установок мы не можем существенно трансформировать их взгляды. Здесь вообще речь идет о другом: понять, есть ли риски возникновения конфликтов в данном случае или нет. Наверное, все-таки задача более сложная по отношению к тем людям, которые проявляют интерес к русской культуре, изучают русский язык, как в случае с теми же кубинцами, которые длительное время воспроизводят ценности русской культуры, которые они впитывали, которые они заимствовали. То есть, есть некие вещи, которые связаны с интеграцией в общество или заимствованием каких-то элементов и их транслированием вовне.

Вот речь идет именно об этих группах, когда происходит глубокое взаимопроникновение культур. И как измерить степень взаимопроникновения, устойчивости заимствованных элементов. То есть речь идет о тех группах, которые планируют долго жить в рамках нашего российского социума или каким-то образом будут с ним связаны.

И возвращаясь к проходившим сегодня дискуссиям, опять-таки, если мы говорим об образовательных мигрантах и о рынке труда, о том, что наши граждане уезжают работать в какие-то страны временно, приобретая там опыт, 5-10 лет находясь в этих странах. Сможем ли мы понять, насколько сильно выражена связь с Россией? В таких случаях работают косвенные комплексные показатели, включающие какие-то эмоциональные составляющие.

Сивоплясова Светлана: Здравствуйте, уважаемые коллеги! Я бы хотела вернуться к образовательной миграции и рассказать о тех особенностях, тех методиках интеграции студентов-иностранцев в том вузе, который я представляю, а именно в Московском авиационном институте. Наверное, сначала об общей ситуации миграционной в нашем институте. В нашем институте обучается более 1200 студентов-иностранцев, это студенты бакалавриата, студенты магистратуры и аспиранты. Докторантов нет, только аспиранты-иностранцы есть. И наш вуз занимает 10 место в рейтинге вузов страны по числу иностранных студентов. Это данные на 2016-17 учебные года. Конечно, когда студент приезжает, неизменно сталкивается с определенными проблемами, но здесь еще и накладывается специфика технического вуза.

Мчедлова Мария: С бюрократией он нашей сталкивается, с бюрократией.

Сивоплясова Светлана: Безусловно.

Мчедлова Мария: Причем сразу, с бюрократией. Если выживет – полюбит Россию. Не выживет...

Реплика из зала: Вот вам и методика.

Мчедлова Мария: Да, вот и методика.

Сивоплясова Светлана: И, наверное, первоначально необходимо попытаться адаптировать студента не только к той культурной среде, в которой ему придется учиться и жить на протяжении 4 тире 6-7 лет, от 2, да, в зависимости от того, на какую программу он приезжает, на какой уровень обучения, но и адаптировать вообще, в принципе, к самому процессу обучения. В общем-то, наш вуз не исключение. Я знаю, что во многих российских вузах, где обучаются иностранные студенты, существуют всевозможные языковые курсы, так называемая предподготовка, которая, по сути, представляет собой некоторую такую инициативу со стороны руководства, в большей степени.

Но что касается нашего вуза, то процесс адаптации еще идет и со стороны студентов, то есть такой, по сути, двунаправленный процесс. То есть студенты сами помогают новичкам адаптироваться к обучению в этом институте. В частности, у нас устраиваются, тоже я знаю, что эта практика, в общем-то, довольно распространенная, всевозможные мероприятия, которые представляют собой обмен, демонстрацию культуры собственной страны и какие-то совместные времяпрепровождения. И у нас еще устраиваются экскурсии в музей института, в ходе которых демонстрируются всевозможные летательные аппараты, в историческом контексте и так далее. Вот такие инициативы – это именно для зачисленных студентов-иностранцев.

Что еще хотела отметить по поводу индикаторов. Одним из индикаторов, - сразу оговорюсь, понимаю, что очень грубый индикатор, очень косвенный индикатор, и конечно, он должен быть очищен – успешность обучения студента. Если человек, студент-иностранец плохо адаптирован, плохо понимает русский язык, не может конспектировать, не понимает, что собой представляет этот институт и эта специальность, в общем-то, об успешном обучении речь особо не идет. Могу рассказать пример из собственной педагогической практики. Тут еще, нужно оговориться, что студенты-иностранцы в основном приезжают на технические специальности, но в вузе существует и факультет гуманитарных специальностей, в частности экономический, там студентов-иностранцев заметно меньше. И, собственно говоря, того подхода преподавательского, о котором

Мария Мирановна говорила, понимания, что преподаешь в другой культурной среде, не существует, потому как основная масса студентов – это все-таки россияне, и там 1-2 если иностранца найдется, то хорошо. Это пример студента магистратуры. Его жизненная история такая: он родился и обучался в Абхазии, степень бакалавра он получал в Турции, причем степень бакалавра он получал по технической специальности, не связанной с авиацией, обучение велось на турецком языке. Затем он получил работу в России, и для дальнейшего карьерного роста необходимо ему было управленческое образование, он к нам пришел в магистратуру по менеджменту. И те проблемы, с которыми он сталкивался, они более комплексный, наверное, характер носили, хотя он уже получил гражданство России. Во-первых, слабое понимание специфики самого предмета, во-вторых, слабое понимание, а что собой представляет процесс обучения вообще в принципе в российском вузе. И, наверное, прошел минимум год, прежде чем он полностью как бы включился в этот процесс и начал понимать, что собой что представляет. Еще также хотела рассказать о некоторых методиках, инструментах, которые применяются не только в стенах нашего института, но и в стенах других вузов. В частности интересен пример Новосибирского государственного университета, в котором была разработана специальная методичка для абитуриентов и студентов-иностранцев, она была подготовлена на 3 языках: на русском, английском и китайском языках, и которая казалась основных вопросов обучения в этом вузе и некоторой жизнедеятельности в городе и в нашей стране. Вот такая методичка, в общем-то, раздавалась студентам и абитуриентам на этих трех языках, потому как наибольшее число иностранцев именно китайцы, и, в общем-то, она довольно успешно работала.

Модератор: Так, про практики все поняла, все реализуется. Хочется все-таки уйти в методическую часть и понять, каким образом это фиксировать. Вот те методики, которые мы реализуем, они эффективны или не эффективны. Где результат, где начальная точка - и где конечная точка.

Наверное, хотелось бы дать слово Илье Штейнбергу, который все-таки сторонник качественных методов, но, тем не менее, какие-то подходы, заимствованные из качественных методов, какие-то вопросы сенситивные, возможно, готов предложить.

Штейнберг Илья: Спасибо, но я вообще-то пришел задать вопрос на понимание, что происходит вот в этой области. Я как понял, вы занимаетесь образовательными грантами, да?

Модератор: Нет, речь идет, прежде всего, о том, что в ряде субъектов возникают проблемы. На первом месте среди межэтнических конфликтов – взаимодействие этнических групп мигрантов с местным населением, в том числе тех мигрантов, которые длительное время проживают на территории, 5, 10, 15 лет. Существует ли, условно говоря, ментальная анклавизация. Вопрос в том, как измерить уровень, динамику социальной дистанции, эффективность мер по адаптации.

Штейнберг Илья: Вы знаете, потому что вот когда я вас слушал, я вообще из перспективы полевого исследователя, то есть как, собственно, изучить, как ставят задачи, так мы, собственно, и подходим к полю. То есть у меня сначала сложилось впечатление, что вообще речь идет не о самой идентичности, а идет речь у вас о динамике этого процесса в вузе, а саму идентичность вы как-то и, собственно, особо не меряете. И здесь как раз вот ваша реплика про бюрократов, да, и почему они вначале такие, другие. Но дело в том, идентичность – она вообще носит такой, фрагментарный характер.

Знаете, у нас вот в поле, да, оно всегда метафора склада, на котором лежат вот эти самые идентичности: религиозная идентичность, расовая, национальная, образовательная и так далее. И по запросу среды вытаскивается та или иная идентичность - и предъясняется. У меня такое сложилось впечатление, что вообще речь идет о том, что, например, на первом курсе предъясняются как бы одни запросы к идентичности, а на пятом курсе, через бюрократические процедуры или еще через какие-то, предъясняются совсем другие запросы. И тогда это каким-то образом влияет на эту самую укорененность. Что за запросы к идентичности со стороны вот этих бюрократических структур, о чем идет речь, - видимо, вы знаете, да, что это такое может быть, эти структуры?

Второй вопрос именно касается, на мой взгляд, самого пафоса. Это что такое вообще - чувствительные методики? Смотрите, в полевом смысле вообще все, что делается относительно вопросов идентичности, сводится к двум вопросам: на что мы похожи - и чем мы отличаемся, на что они похожи - и чем мы отличаемся. Все остальное как бы вот к этому привинчивается. И тогда возникает вопрос: а что тогда чувствительность, в чем? Вот у Игоря Вениаминовича другой подход: давай, говорит, через доверие, значит, замерим эту идентичность. Может быть, мы можем замерить еще через что-то, то есть которое непосредственно не относится именно к этому вопросу: на что мы похожи и чем мы отличаемся. Что это такое может быть? Честно говоря, через эмоции. Но, опять же, вы тогда выходите на

концепт Карла Роджерса, на конгруэнтность, то есть, «что я чувствую, что я думаю, и что я делаю».

Понятно, что человек, то, что он думает и чувствует, и делает – может расходиться. Да, я могу себя чувствовать представителем определенной нации, но делать я могу совсем другое. То есть поиск вот этой конгруэнтности, то есть что тогда определяет эту конгруэнтность, то есть когда человек думает, чувствует и делает одно и то же. Это тоже непонятная история, но, в принципе, здесь можно что-то поискать на этом поле про вот это, что вообще их определяет. И у меня вопрос тогда на понимание, вообще я как-то плохо представляю, в каком направлении вообще ищутся вот эти сенситивные методички. Понятно, если Декарта брать, что методика – это простые, понятные способы решения задач. Но есть Фрэнсис Бэкон, который говорил, что методика – это фонарь, освещающий путь к истине, да? Так вот, что за пути такие? Если у вас уже есть какой-то опыт, наработан, было бы интересно узнать, какие другие пути есть, кроме тех вот, к которым мы привыкли. Спасибо.

Модератор: Да, очень много вопросов, над ними-то мы и размышляем. Действительно, идентичность – она ситуативна, и она активируется теми условиями среды, в которых находится человек в конкретный момент, это мы всё понимаем. Речь идет, скорее, о значимости каких-то социокультурных факторов, определении условий - каким образом они закрепляются в системе ценностей и мировосприятии индивидов. То есть это не только измерение идентичности. Вы в курсе, что в государственной программе у нас закреплено измерение гражданской идентичности через показатель «Как часто вы ощущаете близость с разными группами людей, с теми, о ком вы могли бы сказать: “Это – мы”», то есть сказать, что россияне – это мы. Мне каждый раз, когда задают этот вопрос, я думаю... Я не знаю, как на него отвечать. Раз в году я чувствую, что россияне – это мы, когда мы празднуем Новый год. Как ученый я понимаю, что от меня ожидается, но есть подозрения, что будь я далеким от социологии человеком, мой ответ мог бы не отражать мои патриотические установки. Ведь Вы абсолютно верно заметили, и еще раз подчеркиваю – идентичность, чувство единения с какими-то группами активизируются разными факторами. Если этот вопрос задать, когда я думаю о сдаче отчета по грантовому проекту – вы получите один результат, если его задавать перед 9 мая – наверно, показатели будут совсем другими.

Так же и о мигрантах. И как нам поставить вопросы для того, чтобы понять, что находясь вот в этой социокультурной среде, вот в этом пространстве, они

чувствуют себя комфортно, и они связывают свои долгосрочные стратегии с этим обществом, и они это общество уже начинают воспринимать как свое, как ту среду, в которой они живут, в которой они самореализуются, с которой они тесно связаны. Или они продолжают воспринимать это общество как чужое, непонятное, как туристы. Как происходит эта трансформация, на каком этапе? Когда вот в этой сложной системе идентичности - ролевой, семейной, профессиональной и этнической, конфессиональной - появляется такой элемент как российская идентичность хоть в каком-то виде. Изначально ее ведь нет, приехал чужой человек, он приехал учиться или работать. С какой стати он должен чувствовать российскую идентичность?

По прошествии определенного периода он чувствует связь вот с этой культурной системой, неизбежно он заимствует какие-то элементы. Но в какой степени, насколько это для него важно, как долго это будет вместе с ним – вот здесь большой вопрос. Он будет нашим другом или когда он уедет отсюда, он сразу это утратит, забудет и так далее. Будет ли он поддерживать эти связи, можем ли мы на него рассчитывать как на нашего друга и так далее.

Мчедлова Мария: Знаете, это очень интересный вопрос, я прямо даже встрепенулась. Вы поставили проблему, которая порождает ряд ключевых вопросов, как мне кажется. Первый – это необходимость разграничения я-идентичности и мы-идентичности. Очень часто даже в индикаторах государственных программ это все перемешивается, и мы получаем не те результаты, которые надо было бы получить в срезе количественного поля для того, чтобы направить ту или иную управленческую энергию туда. Это первый вопрос. Поэтому, конечно, когда говорят, что на первом месте стоит идентификация с семьей или с друзьями – это я-идентичность, когда говорят «мы россияне» – это «мы-идентичность». Нет противоречия, они различны. Очень интересное исследование Леокадии Михайловны Дробижевой как раз на эту тему.

Второй момент – о целеполагании, который был поставлен. Кто формирует запрос и на какую идентичность, кто целеполагание формулирует. Разнообразные группы - это же не только ситуация в Еврейской автономной области, а по огромному количеству субъектов Федерации, только в совершенно диверсифицированных формах. Для того чтобы находить управленческие решения либо на уровне муниципалитета, либо на уровне субъекта Федерации, даже придумали такой профстандарт: управление в сфере национальных и профессиональных отношений, уже даже ввели, уже существует. Вопрос о том,

кто будет готовить. По-моему, ФЦП собираются делать и включили в стратегию. Вопрос, кто будет выходить – это будет переквалификация или что-то? Нет, но тут следует следующий управленческий вопрос: а где взять ставки на этих управленцев? Где взять ставки, потому что зачастую, извините, это такой примитивный вопрос, но зачастую эта функция ложится на вице-губернатора по социальной политике или по внутренней политике, а у него трубы, у него электоральный процесс, эмоциональное и религиозное вообще где-нибудь в самом конце.

Я помню, я читала лекцию вице-губернаторам как раз по религиозной проблематике, их заинтересовали красивые картинки и все то, что они никогда не слышали, просто интересно было. Но на самом деле для них это... Я их понимаю, я их не осуждаю, потому что, например, сфера межрелигиозных отношений у нас самая благоприятная. Но она, в конце концов, может вылиться, как в Якутии вот с сейчас мы столкнулись. Но это один момент. Второй момент вот этого различного целеполагания – вот пример образовательной миграции. Кто в ней заинтересован? Заинтересовано гражданское общество, мы как подвижники, с большим удовольствием, нам хочется диалога, расширения, знания других. А это государственные структуры должны быть заинтересованы, Россотрудничество, МИД, органы национальной безопасности. Что они должны к ним предъявлять? Вернее, кого в результате мы хотим: человека, лояльно относящегося к России и любящего русскую культуру, или человека, который мог бы и другим что-то транслировать ... переводящего Пушкина на какой-то язык, или, может быть, еще что-то конструировать, какую-то подушку безопасности вокруг российской культуры, в хорошем смысле этого слова. Но этим не должен заниматься управленец в сфере национальных и религиозных отношений.

Этим кто должен заниматься? Преподаватель, профессор, научный сотрудник или человек, который сидит в Россотрудничестве или в миграционном отделе и говорит студентам: «Ты не те документы принес», и вот так ему швыряет обратно, или какие-то еще службы. Соответственно, встает вопрос об этике поведения с иммигрантами различного уровня. Хочу привести пример, у меня молодой человек, сейчас он аспирант, он по программе переселения соотечественников, из Узбекистана. При этом он и в фонде Горчакова, и очень продвинутый человек, и сотрудничал с институтом стран СНГ. И если бы не помощь института стран СНГ, он как по квоте получал гражданство в Саратовской области... Вот если бы не помощь института стран СНГ: и гражданская, и

гуманитарная, и правовая, – он бы не получил гражданство, хотя он имеет все права, как соотечественник, даже по облегченному варианту.

Соответственно, это должно быть ключевым для выработки именно облегчения или рационализация бюрократически правовых путей для адаптации иммигрантов и привлечения соотечественников, который сегодня ставится как ключевой вопрос. Еще, то, что вот Лена, мне про праздники очень понравилось. У нас в институте социологии, я там возглавляю центр «Религия в современном обществе», у нас было 4 года, мегагрант Российского научного фонда «Социальные трансформации в современной России в социально-экономическом, этническом, политическом и религиозном контексте». И в том числе мы изучили культурную идентичность. Мы имели возможность проводить два раза в год поле, по 4000 респондентов, это очень хорошая выборка.

В том числе, ставили вопрос о культурно-ценностной, культурной идентичности и о праздниках. Оказалось, что всего два праздника наше общество отмечает все вместе, консолидированно. Это Новый год, такой более примордиальный праздник, и День Победы. Все, больше ничего. Вот сегодня Навруз, я с большим удовольствием бы отпраздновала Навруз, и я хочу поздравить тех, для кого это праздник, для меня все праздники – праздники. Вот эта консолидирующая сила, вот о чем говорил Игорь Задорин, консолидирующие интенции в обществе – они необходимы, они потом выплескиваются ведь на уровне образа жизни в праздники, это символическое объединение, вот эти символические параметры. Можно адаптировать мигрантов, тех же китайцев, - если они захотят. А если они анклавизируются и не хотят, то можно убиться с этими символическими параметрами, как это в Европе.

В Европе, например, в Италии, даже встал вопрос об изменении законодательства из-за того, что вот этот синдром Лампедузы стал переплескиваться. Мало того, ведь она табуирована, эта проблематика, в общественном дискурсе, в официальном. Она табуирована в силу основания их Конституции и вообще идеологии Европейского Союза. И вот сейчас встал даже вопрос о пересмотре законодательства и ценностно-идеологических оснований сначала итальянского государства, а затем они это хотят вынести на уровень Европейского Союза вплоть до внесения в Конституцию отсылку к христианским корням, того, что не сделали на прошлом принятии Конституции.

Если в странах Скандинавии даже отменяют рождественские елки для того чтобы не оскорблять чувств пришлых мусульманских общин, во Франции это

вызывает, соответственно, социальную напряженность со стороны принимающего сообщества. Во Франции - в светском государстве, в котором существует консенсус между неверующими и верующими относительно принципа светскости, - антагонистом выступают мусульмане к этому принципу. Тогда как в России есть принцип светскости, который полностью поддерживают вне конфессиональные верующие и атеисты, а православные мусульмане консолидированно выступают за какие-то послабления в этом отношении, некоторое переосмысление этого принципа. Во Франции же собираются исламский институт делать и финансировать его государством. Почему? Потому что традиционные христианские конфессии, которые подпали под кодекс Наполеона и закон 905 года, они не имеют права получать финансирование от государства. А мусульман тогда не было, и они могут принимать деньги... и, соответственно, это тоже вызывает напряженность, в том числе и между религиозными институтами. Это насчет разных видов идентичности. И еще раз, наверное, тот тезис, с которого я начала: невозможно найти единой управленческой стратегии. Конечно, я понимаю, что управлять диверсифицированными, сложными обществами – это высший пилотаж, высшее искусство, которое, наверное, еще надо и надо достигать. И государству надо, как мне кажется, больше делать акцент именно на поиски вот этих диверсифицированных управленческих стратегий, чем на одну единую методику, которая, к сожалению, трудновыполнима.

Реплика из зала: А можно идею? Под влиянием этого вашего у меня две дурацкие идеи возникли по поводу именно метода. Вот смотрите, первое, может быть, я вообще как бы не вижу пути создания каких-то волшебных вопросов, которые могут вот одни какую-то идентичность замерить. Я думаю, что здесь какой-то комплекс методик. А вот если феномен вообще не понятен, то здесь, наверное, имеет смысл антропологический подход вживания в эту среду и понимания что там, то есть нужны резиденты в этой среде.

Мчедлова Мария: Вот мы таких готовим.

Реплика из зала: Да, это важно. И второй подход – это заход вообще с другой стороны. Вот мне по роду деятельности приходится бывать в стартапах Силиконовой долины, а там, вы знаете, много наших инженеров, они там все русские. И вот я недавно присутствовал при таком интересном разговоре, как это возможно, что иностранец, который здесь обучался, становится больше русским, чем сами русские, будучи там. И там как раз этот появился, и его обвинили, что вот он стал больше русский, чем эти русские. И вот понимаете, вот эти люди, то

есть сама среда, они как раз видят вот эти индикаторы. А в чем они? И я, естественно, - профессиональная деформация, - он американец, ему говорю: «А как ты понял, что он русский больше, чем...» И вот он выдал такую фразу, которую я вначале как-то не понял. Он говорит: «Ну как это, вот мы, американцы, мы какие – мы, как персик, мы мягкие снаружи и жесткие внутри. А вы, говорит, русские – вы, как кокос, вы жесткие снаружи и мягкие внутри. И вот он такой стал, то есть он стал вот такой жесткий». То есть изменилось у него паттерное поведение.

Мчедлова Мария: Как Бронислав Малиновский.

Реплика из зала: Да, то есть я хочу сказать, что, может быть, как бы экспедицию, исследование перенести к окружению, рассмотреть - а как они видят, что они изменились, по каким показателям. Тогда можно построить инструменты.

Реплика из зала: Очень интересная тема, коллеги. Я ей никогда не занималась раньше, тем, что касается миграции, только вскользь. Область, откуда я приехала, это Вологодская область, на 90 с лишним процентов русское население. Правда, сегодняшняя ситуация складывается так, что в двух основных городах области начинают появляться трудовые мигранты. Случайно прибыл молодой человек из Армении на стажировку в нашем Вологодском научном центре и просил помощи в подготовке магистерской. Его интересовала миграция из Армении. И вот я с ним прошла две диаспоры армянские, вологодскую и череповецкую, и получилось очень интересное наблюдение.

Во-первых, это были интервью. Каким образом уезжают: уезжают укореняться изначально, не просто поработать, трудовых очень немного, во всяком случае, в обоих городах и в обеих диаспорах. Приезжают по родственным каналам, в первую очередь. Те, кто родился и в советское время приехал, вот они начинают помогать приезжать, и едут жить, работать, бизнес заводить, то есть изначально вот такая вот установка идет у них. Но тем не менее «мы армяне» звучит очень сильно. И так получилось, что мы с коллегами разговаривали, по поводу тоже тематики идентичности затронули. Мы участвовали, организация моя участвует в проекте Лапина и Беляевой по модернизации «Социокультурные портреты регионов», уже не один год. И там блок идентичности замеряется.

Так вот, мы почувствовали, что идентичность вологжан и череповчан – это территориальная идентичность. Армяне говорят о себе, как об этносе, то есть они живут здесь, родились здесь, в наших краях, но они армяне. Они и многие не знают языка армянского, возят детей туда, чтобы они послушали, поговорили,

здесь он не звучит. Вот мы бывали на встречах, армянский, они даже между собой уже многие не говорят, особенно те, кто здесь родился. Если у нас есть азербайджанская диаспора, тоже довольно многочисленная, рынок весь фруктово-овощной – это в их руках, соответственно, там язык очень жестко сохраняется и культурные традиции очень сохраняются сильно. Во всяком случае, проблема-то – она начинает себя немножко обозначать и вот в таком регионе, как наш. Хотя абсолютно нет конфликтов, которые имели бы этнический какой-то оттенок, и поэтому она не звучит. Вот как взорвется, если как в Якутии или как там еще где-то у нас, в Архангельской-то области старый случай, наверное, тогда что-то будет.

Но ведь, посмотрите, чтобы не взорвалось... мы забыли дружбу народов, совсем, ведь из лексики и из дискурса вот эта тематика ушла. Тематика дружбы народов – она хорошо звучала, ведь она сейчас и на государственном уровне нигде не звучит, а это создает отчужденность.

Реплика из зала: А смешанные браки есть?

Реплика из зала: Много, много. Есть и смешанные браки, есть сожительство, и союзы есть, и официальные браки есть, все. Но, тем не менее, они стараются все равно из своей этнической группы. В целом, больше так.

Мчедлова Мария: Мне кажется, что здесь работает фактор того, что это диаспоральный народ, который существует, им в любом случае приходится поддерживать свою идентичность, так же как евреям на протяжении очень длительного времени, очень сложно, исторически. И вот выработаны механизмы выживания в инокультурной среде.

При этом, честно говоря, когда мы вот делали исследование наше, и различные ценностные ориентации по различным этническим группам смогли замерить в такой большой выборке, и делали целенаправленное исследование, оказывается, что армяне – они даже еще более русские в своих ценностных и политических, и социальных установках, чем сами русские. Мне кажется, все-таки водораздел, не водораздел, а скорее, вот эта вот окантовка «своего» – это историческое, алгоритм исторического выживания.

Реплика из зала: Но войти к ним на беседу можно было только через знакомых...

Мчедлова Мария: К сожалению, да, это сейчас стало возникать. Но я вот в прошлом году была в Армении первый раз, председателем ГАК в университете. Я хочу, во-первых, им сделать огромный комплимент в том, как они говорят на

русском языке, - как они в вузах говорят на русском языке, и как они на улице говорят на русском языке.

Это прекрасная литературная речь, очень уважительная. То есть, по большому счету, они сохранили, вот становятся носителями русского языка. Но в последнее время тоже повысилось ощущение вот именно своей этнической принадлежности, как мне показалось, что до предела. Это уже современные тренды, которые существуют.

Реплика из зала: Но язык утрачивается среди молодежи, русский язык.

Мчедлова Мария: Ну, со временем утратится, и останутся только символические параметры.

Реплика из зала: Это очень сложно измерить - уровень идентичности и социальной адаптации. И вот, на мой взгляд, мы уже столкнулись с изучением опыта адаптации китайских студентов, когда изучали в Республике Бурятия. И здесь необходимо разными, методами разных наук, в частности, вот как сказали, методами социальной антропологии. Это внедрение в среду, глубокое погружение в среду, метод включенного наблюдения, потом глубинные интервью. И конечно, здесь очень важно доверие, и нужно, так сказать... представитель какой-то, вот резидент или еще что-то.

И вот я хотела сказать об опыте исследования адаптации китайских студентов. Они обучались в Бурятской сельскохозяйственной академии на таких специальностях как землепользование и кадастровый инженер. И у них был очень большой интерес к этой специальности, и они быстро очень, относительно как бы, выучили русский язык. 5 лет обучения этому предмету, очень быстро адаптировались. И как мы проводили это исследование – методом погружения в среду. У них совершенно другое отношение, чем у наших студентов, то есть они платят деньги, и им за это нужно предоставить такие-то, такие-то услуги. В частности, для них было сделано исключение, потому что для вуза, конечно, это важно – финансовая поддержка такая. И в каждую группу был поставлен куратор, который говорил с ним на их языке, китайский язык знал. И через этого куратора мы делали глубинные интервью, то есть на их языке, и пространные такие, длительные беседы. И вот это вот дает какой-то результат.

Модератор: Такой опыт у нас был в Санкт-Петербурге. С каждой этнической группой мы беседовали через медиатора, владеющего языком.

Реплика из зала: Да. А поскольку вот куратор, так сказать, он с ними работал не один год, он хорошо знал каждого студента, его проблемы, доверие.

Вот благодаря этому мы получили больше гораздо материала. Я еще хочу сказать, что они адаптировались, как бы все стремились изучать русский язык, знать культуру, обычаи, но при этом они внутренне, как бы сказать, оставались приверженцами китайской культуры, китайской, так сказать, идеологии, в общем, полностью оставались китайцами. Хотя чисто внешне они прекрасно, хорошо говорили на русском языке, знали обычаи.

Их идентичность, даже за 5 лет обучения... Они строго преследовали свои цели. Что их раздражало при обучении в вузе - это, конечно, вот даже для китайцев, наша бюрократизация, с их точки зрения, просто страшная. Потому что у них такое мнение: если они платят за обучение, то они должны уже, так сказать, предъявлять свои требования, это совершенно не так, как у наших студентов. То есть «обеспечьте мне», вот так вот.

Страшная наша бюрократизация их больше раздражала, чем бытовые условия. Конечно, это еда, совершенно китайская кухня отличается, естественно, от нашей, тысячелетняя культура. И все стремились, в основном, остаться. То есть не зря они изучали вот это вот землепользование и кадастровую, ну всю эту вот кадастровую оценку земли и так далее. То есть они хотели очень хорошо изучить наше законодательство, нашу ситуацию в этой сфере, остаться. Многие из них женились после этого. И они рассматривали вот это вот именно обучение в России, свою адаптацию, знание языка как конкурентное преимущество. И в дальнейшем многие из них стремились остаться и работать именно по своей специальности именно в России, соответственно, не теряя связи с Китаем, не меняя своей идентичности. И это все очень хорошо поддерживалось китайским правительством.

Мчедлова Мария: Освоение новых территорий.

Реплика из зала: Да, это своего рода такая мягкая экспансия.

Модератор: Наверное, последняя фраза – она ключевая, позиция государства в отношении этих групп. Я тоже придерживаюсь точки зрения, что не может быть единого подхода, единой системы измерения. Во-первых, конечно, комбинаторно. Во-вторых, я всегда всю свою жизнь была сторонницей качественных методов, глубокого погружения. Вот мы ездили в экспедицию к староверам и получили совсем другие результаты в Южной Америке, чем когда мы дистанционно беседовали с этими целевыми группами. Мы совершенно иные смыслы получили, когда мы погрузились в эти среды, мы бродили в Уругвае, мы

увидели различия между ними. Это невозможно сделать дистанционно, это невозможно сделать количественными методами.

Но, тем не менее, я понимаю муниципальные органы власти, когда, во-первых, ограничен бюджет, и они ничего в принципе не могут измерить, у них нет ресурсов для того, чтобы это измерять. И региональные органы власти часто не имеют таких бюджетов для того, чтобы направить в каждую группу мигрантов кого-то, чтобы он погрузился, побеседовал, оценил. Им нужен какой-то хотя бы, может, не очень чувствительный, но хотя бы какой-то инструмент, который действительно позволял им оценивать ситуацию, эффективность принимаемых мер.

Кто-то очень активно поддерживает НКО, которые декларируют, что они осуществляют деятельность по интеграции мигрантов. Как грантодателям понять - вот эта деятельность эффективна или неэффективна, изменилось ли что-то в восприятии мигрантов или нет? Я понимаю органы власти, я понимаю их запрос, я понимаю ограниченность их ресурсов, и мне кажется, в какой-то степени мы можем приблизиться к решению этой задачи.

Для тех, кто присоединяется к проекту, будем готовить развернутое описание, обоснование проекта - и включать всех заинтересованных в состав Рабочей группы. Уверена, из этого получится что-то интересное. По крайней мере, очень хочется в этом направлении сделать что-то полезное, глубокое. Спасибо всем большое.